

526-е заседание. 16 мая 2001 г.

А. В. Каравашкин

Презентация монографии «Русская средневековая публицистика: Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский»

527-е заседание. 23 мая 2001 г.

А. Л. Никитин

Презентация книги «Основания русской истории»

528-е заседание. 30 мая 2001 г.

Р. А. Симонов

Презентация книги «Естественнонаучная мысль Древней Руси»

529-е заседание. 6 июня 2001 г.

Н. В. Трофимова

Следы «Сказания о Мамаевом побоище» в летописной повести «О приходе крымского царя Сафа-Гирея на Русскую землю» в 1541 г.

Воскресенская летопись — один из крупнейших летописных памятников XVI в., содержащий материал по русской истории от легендарных времен до 1541 г. включительно. Значительную часть текстов свода составляют воинские повести, большинство которых летописец перенес из предшествующих памятников, главным образом из Московского свода конца XV в. и Ермолинской летописи. Некоторые более или менее существенные изменения внесены в повести 1149, 1185, 1471, 1480, 1506, 1514 гг. причем в основном они сводятся к структурному уточнению с помощью введения подзаголовков, соединению частей из разных летописных статей, реже проводится стилистическая правка. Кроме того, автор Воскресенской летописи ввел в нее «Повесть о разорении Царьграда турками» Нестора-Искандера под 1453 г. и, вероятно, сам написал повесть о приходе Сафа-Гирея на Русь в 1541 г.

Такое соотношение «чужого» и «своего» в воинском повествовании Воскресенской летописи характеризует ее автора скорее как компилятора, нежели как писателя. Вполне естественно, что, столкнувшись с необходимостью создать оригинальную повесть о событии своего времени, автор не только использовал накопленный в процессе переработки предшествующих сводов опыт, но и имел в виду конкретный литературный образец, что было обычным в средневековой литературе. По моим наблюдениям, таким образцом было «Сказание о Мамаевом побоище» в редакции, называемой Л. А. Дмитриевым¹. Основной причиной обращения летописца к произведению внелетописному о давнем событии послужило, вероятно, сходство двух походов на Русь — Мамаю и Сафа-Гирея. Оба хана собрали огромные силы и ставили

целью установить свою власть над Русью. Оба не дошли до Москвы, в битве потерпели поражение и вынуждены были ни с чем уйти. Повестей, содержащих подобный ход событий, в летописях не было, за исключением разных вариантов повести о Куликовской битве, один из которых помещен в Воскресенской летописи. Можно полагать, что именно по этой причине летописец не обратился к ней, не желая повторения сходных особенностей в рамках одной летописи. С другой стороны, очевиден интерес автора к внелетописному материалу, ярко проявившийся в том, что он привнес в свое произведение самостоятельную повесть Нестора-Искандера.

В то же время, нужно сказать, что создатель Воскресенской летописи проявил большой такт в работе с литературным образцом. Он не мог воспользоваться конструктивными принципами «Сказания», поскольку, во-первых, события его времени не имели полных аналогий с походом татар на Русь; во-вторых, летописные повести, которые он переписывал и отчасти перерабатывал, пользовались иными приемами построения произведений. Летописец XVI в. мотивировал ход событий строго прагматически, в отличие от автора «Сказания», который давал в большинстве случаев религиозно-символическое объяснение событий. В связи с этим в повести XVI в. не используется такое важное средство изображения событий, как библейские аналогии, многократно уменьшается количество библейских цитат, отсутствует форма видений. В стилистическом отношении автор также следовал традиции своего времени, вводя документальные и разговорные элементы. Тем не менее создатель повести 1541 г. использовал лишь отдельные эпизоды «Сказания», отражавшие совпадающие события конца XIV и XVI вв., а также стилиевые обороты и образы, несколько раз повторяющиеся в раннем памятнике или встречающиеся только в нем. Большее количество заимствований содержится в первой половине повествования, рассказывающей о выступлении хана в поход, подготовке московского князя к обороне Москвы и отправлении войск на врага, битве и бегстве Сафа-Гирея с места сражения. Вторая половина повести, рассказывающая о безуспешной осаде Пронска, уходе вражеского войска и возвращении русских воинов в Москву, практически не имеет аналогий со «Сказанием», вероятно, потому, что сильно различаются сами события.

В отличие от большинства повестей в Воскресенской летописи повесть 1541 г. начинается вступлением, рассказывающим об отношениях, сложившихся между Русью и Казанью, и посылке Иваном IV воевод с войсками во Владимир, на случай похода на Казань. Этот рассказ служит мотивировкой дальнейших событий, решение Сафа-Гирея идти на Русь объясняется тем, что хан узнал о выходе большого русского войска в Казань и решил воспользоваться слабостью обороны Москвы. Вступление есть и в «Сказании о Мамаевом побоище», и оно также рассказывает о побуждениях, заставивших Мамаю выступить на Русь. Мотивировка событий дана религиозно-символическая: дьявол подстрекал хана захватить Русь и искоренить православие.

Следующий сходный фрагмент появляется в рассказе о подготовке московским князем обороны города. После сражения у города Осетра, когда были захвачены пленные и князю рассказали о силах врага, он, отправив войска к Пахре, пошел в церковь и произнес две молитвы, обращенные к Богоматери и чудотворцу Петру, с просьбами о помощи и заступничестве. Молитвы достаточно редко появляются в воинских повестях Воскресенской летописи, соединение же сразу двух аналогичных по смыслу лирических фрагментов оказывается особенно заметным, тем более что они обнаруживают стилистические совпадения с молитвами, помещенными в «Сказании». В нем есть молитвы, обращенные к тем же святым, следующие в том же порядке (им предшествует еще одна — Христу). Молитва Богоматери в обоих памятниках вводится упоминанием образа, к которому обращаются герои: «юже Лука евангелисть написа» (390)²; «юже Лука евангелисть, живъ сый, написа...» (32)³. Фрагмент этой молитвы: «Пошли милость свою, да не ркуть погании: где есть Богъ ихъ, на него же уповають?» (390) перекликается с отрывком другой молитвы в «Сказании», произнесенной князем на Куликовом поле и обращенной к Христу: «Да не порадуются о нас врази наши, и рекутъ страны неверныхъ: Где есть Богъ их, на нь же уповаша?» (41). Неточная цитата из Псалтири 78:10, вошедшая в молитву, встречается также в повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенской летописи, в молитве Димитрия Ивановича Христу после получения известия о предательстве Олега Рязанского, среди ряда других реминисценций из Псалтири.

Близки по тексту и молитвы, обращенные к митрополиту Петру:

Сказание о Мамаевом побоище

Повесть 1541 г.

Тебе бо Господь прояви последне- а вжегль тя Богъ намъ светлую му роду нашему и вжегль тебе свещу и постави на свещнице, тобя намъ, светлую свещу, и посъстави дароваль Богъ роду нашему и все- на свещнице высоце светити всей му христианству крепкаго стража земли Русской... Ты бо еси стражъ наш крепкий (32).

а вжегль тя Богъ намъ светлую свещу и постави на свещнице, тобя дароваль Богъ роду нашему и все- му христианству крепкаго стража (390).

Повторяя образы более раннего памятника, автор повести сокращает их, снимая один из случаев тавтологии («на свещнице... светити»), соединяя две фразы в одну. Сама метафора: святитель Петр — светлая свеча — происходит из жития, где приведен рассказ о сне матери Петра до его рождения, в котором она увидела «агнецъ доброзрачен на руку своюю, имущи на рогу своюю древо, различныя цветы имуща, и свеща пресветлыи светящаяся». Аналогичного обращения к святителю Петру в воинских повестях предшествующей и современной памятнику эпохи мною не обнаружено. Сходство разобранных эпизодов подчеркивается тем, что после молитв в обоих памятниках следуют сообщения о благословении: Дмитрия Ивановича митрополитом Киприаном, а Ивана Васильевича митрополитом Иоасафом.

Сразу за сценой благословения в повести 1541 г. помещено описа-

ние совета бояр и митрополита о дальнейших действиях и судьбе малолетнего великого князя. Вводится этот фрагмент обращением Ивана к митрополиту Иоасафу: «Веси, отче, настоящую сию беду на ны, яко царь Крымской прииде на землю нашу...» (390), буквально повторяющим обращение Дмитрия за советом к митрополиту Киприану: «Веси ли, отче нашъ, ныне настоящу сию беду великую, яко безбожный царь Мамай грядеть на насъ» (20). Вся сцена построена на речах действующих лиц, высказывающих разные мнения: одни считают, что князь должен покинуть Москву, чтобы не подвергаться опасности; другие — что ему лучше остаться в городе. Бояре, отстаивающие первую точку зрения, приводят в пример отъезд Василия Дмитриевича из Москвы в момент нашествия Едигея; а митрополит, отстаивающий вторую позицию, ссылается на разорение Москвы Тохтамышем в результате того, что Дмитрий Иванович уехал из Москвы, не подготовив ее к обороне. Именно аргументы митрополита, доказывающего, что московские князья покидали город для сбора войск, а не боясь опасности, и его напоминание о том, что для обороны можно использовать силы, собранные во Владимире для похода на Казань, решают спор в его пользу.

Мнение митрополита оказалось решающим и в «Сказании о Мамаевом побоище». Дмитрий должен был решить вопрос: следует ли сразу собирать войска против Мамаю или попытаться откупиться дарами. Отстаивая второй путь решения проблемы, Киприан, как и Иоасаф, опирался на события прошлого, вспоминая историю Василия Великого, Юлиана Отступника и Меркурия. После решения совета Иван Васильевич приказывает укреплять Москву и отправляет посольство в войско с просьбой к боярам оставить распри и послужить царю, который за это пожалует не только их самих, но и их детей. Пространная сцена совета бояр и обращения их к войску, основанная также на речах персонажей, содержит целый ряд текстуальных совпадений со «Сказанием о Мамаевом побоище». Обещая награду воинам и память погибшим, Иван произнес: «А которого васъ Богъ възметъ, и азъ того велю въ книги животныа написати» (392). Этой награды просили для себя в случае гибели воины перед Куликовской битвой, обращаясь к Дмитрию: «Въ книги съборныа написати насъ, памяти ради русскимъ сыномъ» (42).

О единодушии русского воинства и боярства в решении последовать просьбе царя «за христианство страдати», автор говорит: «аки единомусты, глаголаху» (392). Оборот этот дважды встречается в «Сказании»: в первом случае так характеризуется ответ князей на призыв Дмитрия вместе с ним «за веру Христову... пострадади»: «реша вси купно, аки едиными усты» (30); второй раз так же «все множество людей, яко едиными усты реша» (30) в ответ на призыв Дмитрия собрать войско у Коломны. Одинаковы не только ситуации, в которых появляется эта формула, но и слова героев, которые ее сопровождают. В «Сказании» князья выражают согласие «главы своя положити за святую веру христианскую...» (30), в повести 1541 г. — «за христианство головы свои класти» (392). «Хотимъ съ татары смертную чашу

пити» (392), этот оборот встречается неоднократно в двух повестях — о разорении Рязани Батыем и в «Сказании»: «утре бо нам с ними пити общую чашу» (39), «хощу с вами ту же общую чашу испити» (43), «пити многим людем смертна чаша» (47). Воеводы в повести 1541 г., видя единодушные войска, «обрадовашася радостию великою и обретоша словеса ихъ, яко некое съкровище» (392). Сходная характеристика состояния героев неоднократно появляется в «Сказании». Дмитрий Иванович и Владимир Андреевич «възрадовастася радостию великою» (37) приходу в войско Андрея Полоцкого и Дмитрия Брянского; готовясь к бою, «сынове рускые възрадовашася радостию великою» (38); Дмитрий Иванович, посетив преподобного Сергия, пошел в Москву, «радуясь, аки съкровище некрадомо обрете» (31). Совпадает в двух повестях и характеристика чувств воинов, стремящихся вступить в битву. «Сказание»: засадный полк «непрестанно покушающесе, яко званнии на бракъ сладкаго вина пити» (44).

Повесть 1541 г.: после первой перестрелки с татарами «отъиде страхъ отъ сердець ихъ, въоружившесе храбростию, аки на бракъ званы, хотя битися съ татари» (393). Редким явлением для воинских повестей было описание войска, помещенное летописцем в повести 1541 г. Оно дано глазами крымского царя, пораженного многочисленностью и организованностью сил врага: «И узре же царь: идуть болшие пльки да и правая рука и левая; и начать царь зрети и дивитися, что идуть люди многие, учредивъ полки красно видети, и люди цветны и доспешны, книждо въеводы въ своемъ пльку» (393). Зрелище это вызывает страх Сафа-Гирея и гнев на приближенных, сообщавших ему, что большая часть русского воинства ушла к Казани. В Воскресенской летописи есть только одна повесть, перенесенная из Московского летописного свода конца XV в. — о походе Святослава на волжских болгар в 1220 г. — содержащая описание войска. После победы Святослав узнал, что побежденные ждуть в Исадах, и «повеле же воемъ своимъ оболочитися во броня, и стяги наволочити, и наряди полкы въ насадехъ и лодияхъ, и поиде полкъ по полце, бьюще въ бубны и во трубы и въ сопели» (175)⁵. Это описание отличается от вышеприведенного по функции: в нем подчеркивается не многочисленность и сила, а внешние атрибуты войска, которому предстоит пройти перед побежденными.

Ближе по назначению к описанию повести 1541 г. картина выступления русского войска в поход, увиденная глазами князей, в «Сказании о Мамаевом побоище»: «...богатыри же рускые и их хоругови, аки живы пашутся, доспехы же рускыхъ сыновъ, аки вода въ вся ветры колыбашесе, шоломы злаченыя на главах ихъ, аки заря утреняя въ время ведра светящися, яловци же шоломовъ ихъ, аки пламя огненное, пашется» (39). Прямых аналогий с описанием в повести XVI в. в этом фрагменте нет, но он также подчеркивает силу и красоту войска, вступающего на битву. Сходна и оценка вида войска в двух повестях. В «Сказании о Мамаевом побоище» ее дают литовские князья, присоединившиеся к воинству Дмитрия: «Нестъ было преже нас, ни при насъ,

ни по насъ будетъ таково вѣиство уряжено» (39). В повести 1541 г. сам Сафа-Гирей произносит: «... а язъ столко многихъ людей нарядныхъ, ни кутарниковъ, ни аргамачниковъ, не лучилося видати въ одномъ месте, а старые мои татарове, которые на многихъ делехъ бывали, тоже сказываютъ, что столко многихъ людей нарядныхъ въ одномъ месте нигде не видали» (393).

«Старые татары», упомянутые ханом, появляются еще в одном фрагменте повести 1541 г. Именно их советом, обоснованным ссылкой на поход Темир-Аксака, не сумевшего захватить Москву, но взявшего по дороге Елец, объясняется решение Сафа-Гирея на обратном пути осадить город Пронск. В «Сказании о Мамаевом побоище» перед походом на Русь Мамай спрашивал «старых татар» о Батыевом нашествии, и они рассказали ему об этом событии, И в том, и в другом памятнике этот собирательный образ олицетворяет собой мудрость и опыт, но в обоих случаях авторы допускают анахронизм: как старые татары времен Куликовской битвы сами не могли ничего знать о нашествии Батя, так татары времени Сафа-Гирея не могли быть свидетелями нашествия Темир-Аксака на Русь. Фигуры эти в обеих повестях условны, но выполняют одинаковую роль.

Характеризуя главу вражеского войска, летописец XVI в. неоднократно обращается к тексту «Сказания». Рассказав о бегстве хана, автор возвращается к моменту его прихода на Русь, вспоминая его гордость и уверенность в своих силах: «уподобльшеса прежнимъ Еллинскимъ царемъ, боги ся называаше, а во адъ снидоша» (394). Истоки этого сравнения можно видеть в характеристике Мамаю: «еллинъ сый верою, идоложрецъ и иконоборецъ» (25). Мотив похвалы врага также появляется в обоих произведениях: «Прииде же на Рускую землю съ великою похвалою» (394); ср.: «Он же безбожный Мамай начать хвалитися» (25). Противопоставление образа врага — льва и русских людей — овец в повести 1541 г. встречается в одном фрагменте: «аки левъ, хотя въсхитити Христово стадо словесныхъ овецъ» (394); в «Сказании» два образа разнесены по разным эпизодам: Мамай пошел на Русь «аки левъ ревыи пыхаа» (26), бояре говорят, что, если Дмитрий погибнет, они будут «аки стадо овчее, не имуще пастыря» (43).

Слова Сафа-Гирея, обращенные к московскому князю: «Преиду на тя, и стану подь Москвою и распущу войско свое, и пленю землю твою» (394) напоминают речь Мамаю к татарам с тем же обещанием: «Егда дойду Руси и избию князя их, и которые грады красные довлеютъ нам, и ту сядем и Русью владеем...» (26). Обещания врагов сопровождаются и аналогичным комментарием авторов, неточно цитирующих Псалтирь 117: 16: «А не веды того, яко Господня рука высока есть» (394); ср. «А не ведый того оканный, яко Господня рука высока есть» (26).

Состояние бегущего Сафа-Гирея передано фразой: «побеже съ великимъ страхованием, не можааше и на коне седети, и повезоша его въ телеге» (394), имеющей иной литературный источник: повесть о

битве Ярослава со Святополком на реке Альте в 1019г., которая есть в составе Воскресенского свода. О состоянии потерпевшего поражение Святополка в ней сказано: «и бежащю ему, нападе на нихъ страхъ, и разслабишася вся кости его, и не можаше седети, несяхуть вои на носилахъ» (II, 425). Появление этой реминисценции из очень древнего текста, вероятно, тоже связано с текстом «Сказания», автор которого упоминает Святополка неоднократно: «Ныне же сего Олга оканнаго новаго Святьплька нареку» (28), «пожреть мя земля жива, акы Святоплька» (35), «Ярославъ, перевезеся реку, Святоплька победи» (38), «помози ми, яко же... пръвому Ярославу на Святоплька» (41). Такого настойчивого упоминания имени данного исторического персонажа мы не встречаем в других воинских повестях, хотя в летописной повести о Куликовской битве, помещенной в Воскресенской летописи, Святополк также упомянут в числе врагов, побежденных героями библейской и русской истории (III, 63).

Сходна оценка чувств, испытываемых вражескими полководцами, потерпевшими поражение в бою: Сафа-Гирей «говориль своимъ княземъ, что получить великое бесчестие» (394), Мамай «не мога тръпети, видя себе побежена и посрамлена и поругана» (48). Одинаков и результат чувств, испытываемых персонажами. Мамай «И паки гневашеся, яряся зело, и еще зло мысля на Русскую землю» (48), а крымский хан принял совет и осадил Пронск, «да не ркуть людие, что царь приходиль на Рускую землю, а Руси не учиниль ничего» (394).

Таким образом, значительная часть повести 1541 г. по Воскресенской летописи содержит аналогии с Основной редакцией «Сказания о Мамаевом побоище». Автор использовал текст более раннего памятника в тех случаях, когда совпадали по содержанию отдельные эпизоды двух событий или создавались близкие образы. В то же время летописец не слепо следовал за своим предшественником, а отбирал наиболее яркие и уникальные фрагменты «Сказания». В стилистическом отношении заимствованные фрагменты чаще всего упрощались автором XVI в., вводились в общее русло повествования Воскресенского свода.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См.: Дмитриев Л.А. Литературная история памятников Куликовского цикла // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 306-359.
- ² Текст повести 1541 г. цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, 1998. Т.3: Воскресенская летопись. Другие тексты по тому же своду приводятся с указанием тома и страницы. Орфография передана упрощенно.
- ³ Текст основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» цит. по изд.: Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982.
- ⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 2001. Т.2. С.28.
- ⁵ Цит. по изд.: Русские летописи. Рязань, Т.2. 1998.